
ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

И. Е. СУРИКОВ

О ВЛИЯНИИ ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА ИСТОРИЮ: АНТИЧНЫЕ ГРЕКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В статье, написанной в жанре двухчастного очерка, освещаются различные аспекты влияния ландшафта и климата на жизнь древнегреческих колоний и колонистов в Северном Причерноморье. Рассматриваются специфика расселения античных греков в Крыму и некоторые перспективы прочтения источников, появляющиеся в связи с аргументированной гипотезой о существовании в I тыс. до н. э. впоследствии исчезнувшего пролива – восточного «дублера» Боспора Киммерийского.

Ключевые слова: *греческая колонизация, Северное Причерноморье, Крым, Таманский полуостров, Боспор Киммерийский, ландшафт, Гаргаза.*

Эдуард Сальманович Кульпин, с доброй памятью о котором пишется данная статья, неустанно занимался проблемами взаимовлияния ландшафта и человеческого общества. Соответственно и нам хотелось бы здесь затронуть ту же проблематику на материале Античности, поскольку автор этих строк является именно антиковедом. И еще одна оговорка. Эдуард Сальманович очень любил Крым, и не случайно именно на Таврическом полуострове (чаще всего – в Судаке) он предпочитал проводить организуемые им конференции. Поэтому не случайно и то, что мы начинаем статью с «крымской» проблематики (во второй ее части переместимся чуть восточнее, на Таманский полуостров). Два сюжета, связанные с освоением древними греками этих регионов и их жизнью там, будут рассмотрены ниже.

Сделаем несколько предварительных замечаний относительно наших представлений о степени постоянства и изменчивости в се-

веропонтийском ландшафте с Античности до наших времен. Здесь приходится касаться весьма сложной и многогранной проблематики, поскольку применительно к различным ландшафтным компонентам ответ отнюдь не будет одинаковым. В одних аспектах континуитета больше, в других – меньше, в третьих – о нем вообще трудно говорить.

Так, ясно, что в силу антропогенного воздействия весьма существенные перемены произошли в характере почв, растительности, животного мира. Изменения в водном балансе и соответственно в очертаниях береговой линии также, безусловно, имели место, но уже по большей части не в связи с вмешательством человека, а по иным причинам. Традиционно в данной связи в качестве одного из важнейших процессов называют периодические трансгрессии и регрессии Черного и Азовского морей. Впрочем, традиционный взгляд на эти повышения и понижения их уровня¹ недавно был оспорен (Grückner *et al.* 2010; Суриков 2013: 169, прим. 8), включая и достоверность самого наличия подобных колебаний. Похоже, большее значение следует придавать иному фактору, а какому именно – об этом будет сказано во второй части статьи.

С другой стороны, более константным элементом ландшафта, несомненно, являлся рельеф. Сказанное, разумеется, не означает, что мы отрицаем наличие на протяжении столетий и тысячелетий самых разнообразных явлений в данной сфере – тектонических, сейсмических, вулканических, эрозионных, абразионных... Тем не менее в ту пору, когда эллины-колонисты прибывали к берегам Северного Понта, тамошний рельеф в целом все-таки существовал примерно в таких же по общему характеру формах, что и в наши дни: горные районы и тогда были горными, равнинные – равнинными, слабовсхолмленные – слабовсхолмленными.

О климатическом фоне можно сказать аналогичные слова. Опять же, мы ни в коей мере не утверждаем, что нынешний климат в рассматриваемом регионе остался точно таким же, каким был в I тыс. до н. э. Речь скорее следует вести о преемственности соотношения климатических условий в этом регионе греческой колони-

¹ Пример такой позиции с указанием конкретных цифр см.: Беленький 1998: 28.

зации: в ту пору, как и теперь, северопричерноморский климат был более суровым, чем южнобалканско-эгейский.

Τὰ κλίματα, или «отвергнутый рай» (к постановке проблемы)

Если Греция как таковая – это типичные сухие субтропики средиземноморского типа, то Северопонтийский регион представлял (и представляет) собой юг умеренной климатической зоны. Единственное исключение – узкая полоска Южного берега Крыма (ЮБК), являющаяся, если не ошибаемся, самым северным в Евразии «кусочком субтропиков». Именно эта часть Северопричерноморского региона резко, принципиально отличалась по климатическим условиям (да и в целом по типу ландшафта) от всех остальных.

Пышная вечnozеленая экзотическая растительность (экзотическая, подчеркнем, для нас, жителей средней полосы, а для античного грека, наоборот, привычная и знакомая). Горные вершины, взмывающие чуть ли не прямо от побережья на высоту до 1500 м над уровнем моря и особенно контрастно воспринимающиеся рядом с ровными степями того же Крыма (степной ландшафт полуострова практически ничем не отличается от того, который можно увидеть к северу от Перекопского перешейка, на землях Южной Украины – когда-то Новороссии, когда-то Великой Скифии), но греками, напротив, явно читавшиеся как некая копия их родных ландшафтов. Иной раз нетрудно спутать фотографии, присланные друзьями и знакомыми из Тавриды и из Эллады.

Собственно, ныне именно интересующая нас здесь местность (ЮБК), по ряду причин (с севера – гряда Крымских гор, препятствующая проникновению холодных ветров, с юга – непосредственное соседство с относительно теплым морем, «дыхание» которого опять же горами не пропускается далее, а остается на месте, порождая определенный микроклимат) являющаяся субтропической, предстает наиболее привлекательной для всех, скажем, граждан нашей страны, стремящихся летом с севера на юг. Как обстояли дела с этим у эллинов, стремившихся в пору Великой колонизации в противоположную сторону, с юга на север?

Казалось бы, они должны были выбирать для основания апойкий те места, которые напоминали им покинутое отечество. Например, наблюдения за тем, как наши предки осваивали Северо-Восточную Русь (Волго-Окское междуречье, совпадавшее, по очень грубому счету, с Владимиро-Суздальским княжеством), показывают, что часто именно так и бывает. Иными словами, следовало бы ожидать появления эллинских поселений на ЮБК – если не в приоритетном порядке, то хотя бы наряду с возникновением оных в иных пригодных для первичного обоснования северопонтийских ареалах.

Однако же колонизационная практика греков архаической эпохи парадоксальным и даже удивительным образом демонстрирует некий «провал» в освоении этого «земного рая». Этот «провал» сразу бросается в глаза, стоит только взять в руки наиболее полный археологический компендиум по античному Северному Причерноморью (Кошеленко и др. 1984) и посмотреть на вошедшие в его состав тексты и карты². На последних мы сразу особенно рельефно увидим основные регионы эллинской заинтересованности: Северо-Западное Причерноморье (Тира, Никоний, Березань, Ольвия), Западный Крым (Херсонес, Керкинитида, Калос Лимен), Восточный Крым (Феодосия и далее – полисы по Боспору Киммерийскому), потом уже Тамань. На любой подобной карте ЮБК, являя полную пустоту, вопиет неким знаком вопроса.

Только один пункт будет проставлен на такой карте: Харакс. Но это городище (на мысу Ай-Тодор), как все прекрасно знают, было когда-то местом римского лагеря (Масленников 1984). Значит, римляне заметили и сочли приемлемым место, которое ранее греками было проигнорировано?

Продолжая, не преминем отметить, что теми же греками в византийскую эпоху (а византийская история являет собой прямое продолжение античной истории в ее обеих ветвях – эллинской и римской) было основано в рассматриваемом регионе немало посе-

² Этот труд был издан еще в советское время, но с тех пор ничего сопоставимого по территориальному охвату материала так и не появилось. Недавно вышло инициированное Г. М. Бонгард-Левиним трехтомное «Античное наследие Кубани», но в нем именно только «Кубань» – в основном Таманский полуостров – и освещена.

лений³. Даже и нынешние названия ряда тамошних городов и поселков имеют греческие корни (Алупка, Алушта, Симеиз, Форос и др.), но, подчеркнем, именно среднегреческие (византийские), а не древнегреческие. Южный Крым при византийцах носил название τὰ κλίματα («склоны») (Чичуров 1980: 106, прим. 241)⁴ или, иногда, τὰ τῆς Χερσῶνος κλίματα, поскольку он входил тогда в фему, административным центром которой являлся Херсон (бывший Херсонес, о нем см.: Сорочан 2005). Заметим, что уже сам подобный топоним подчеркивал гористый характер местности.

Итак, видимо, приходится прийти к предварительному выводу, что именно горные хребты, возвышающиеся на ЮБК, воспрепятствовали его освоению греками в период Великой колонизации. Мы специально подчеркиваем именно *предварительный* характер данного вывода, поскольку наша цель в этой части статьи – поставить проблему (как и отмечено в соответствующем подзаголовке), заставить задуматься о том, что налицо некоторая «странность», ранее всерьез не замечавшаяся.

Какие же конкретные факторы могли здесь сыграть свою роль? В первую очередь приходит в голову, конечно же, следующее: узенькая полоска суши между горами и морем, каковую являет и являл собой ЮБК, весьма плохо подходила для земледелия, точнее, для выращивания зерновых. Этой цели в несравненно лучшей степени соответствовали степные ландшафты – хотя бы того же Крыма, в котором они располагались либо к западу от ЮБК («Большой Херсонес»), либо к востоку от него же (Керченский полуостров).

Спорить здесь не с чем. Однако же земледелие не сводится к культивированию злаков. Виноградарство ведь тоже относится к этой отрасли сельского хозяйства. А виноградарство на ЮБК представляло блестящие перспективы. Данный терруар особенно

³ Именно тогда и появилась в Северном Причерноморье греческая диаспора. О ее формировании см.: Kogomila 1991.

⁴ Заметим, что И. С. Чичуров везде в своем труде передавал по-русски τὰ κλίματα как «климаты», но это представляется нам неоправданным буквалистским калькированием исходной лексемы. Естественно, наше слово «климат» происходит от греческого κλίμα (в одном из его значений), но оно давно уже обрело совершенно конкретный и даже терминологический смысл.

благоприятен для сортов винограда, дающих очень сладкие – и притом достаточно крепкие – вина. А именно такие вина, по наблюдениям современных исследователей (Винокуров 1999: 163; Горский 2013: 43), предпочитались античными греками.

Вероятно, только в византийскую эпоху и был в достаточной мере оценен винодельческий потенциал ЮБК. В Античности же греки в основном ввозили (даже для собственного потребления, а уж тем более для торговли с туземцами) вина из метрополии. Что же касается хлеба, то он, бесспорно, не мог в необходимом количестве произрастать в интересующей нас ландшафтной нише; но и эта проблема имела, в общем-то, свои пути решения (например, через создание дальней хоры). Так, например, те же херсонеситы весьма преуспели в организации и развитии таковой⁵.

Понятно, в удаленности города-апойки от своей основной сельскохозяйственной местности были свои минусы. Но в то же время в создании колонии в таком роскошном и, главное, напоминавшем грекам родину крае, как ЮБК, не могли не иметься и свои плюсы. Соизмерение такого рода локальных плюсов и минусов, выбор места, в котором первые перевешивали бы, – это и есть, в сущности, стратегия колонизации. И достаточно показательно, что античные греки сделали выбор отнюдь не в пользу «земного рая», отвергли его в отличие от греков-византийцев, которые на том же берегу активно селились.

Вне сомнения, нельзя не указать и на такой фактор, как отсутствие на ЮБК удобных, безопасных для судов гаваней. Их там действительно нет (от Севастопольской и Балаклавской бухт на западе и, по большому счету, вплоть до бухт в Керченском проливе), что, конечно, должно было отталкивать эллинов с их опытом мореходства. Однако здесь уместно заметить, что безопасной гавани не было и в Феодосии (на сегодняшний день она в какой-то мере создана, но только путем сооружения искусственных молов-волнорезов). Тем не менее возникла же греческая колония Феодосия – на стыке степного, равнинного ландшафта с (уже сильно пониженным) горным – не позднее второй половины VI в. до н. э.

⁵ Сошлемся на книгу, в которой этот вопрос рассматривается именно на херсонесском примере (Щеглов 1976: 77).

Поневоле приходится задуматься о внеландшафтном факторе. Таковым представляется нам наличие в качестве соседей горцев-тавров, которые в глазах эллинов имели столь неблагоприятный имидж, что, как говорится, *nes plus ultra*. Дикий народ, промышляющий пиратством⁶, не брезговавший человеческими жертвоприношениями... Знаменитый миф, перенесший Ифигению, дочь Агамемнона, именно к таврам, – миф, имевший колоссальную популярность у греков, легший в основу ряда афинских трагедий⁷, – наверное, на чем-то все-таки основывался в своей парадигматичности, избирая тавров как «варваров по преимуществу».

Куда в конечном счете делись тавры, неизвестно. В византийские времена их экологическую нишу заняли готы-христиане, создавшие ряд микрогосударств (наиболее известно княжество Феодоро со столицей в Мангупе) и уж точно не питавшие негативных чувств к своим единоверцам и учителям – грекам (теперь уже не эллинам, а ромеям). Возможно, поэтому последние, уже не ощущая враждебного окружения, и начали теперь селиться «под горами».

Как бы то ни было, саму проблему нам все-таки пришлось поставить (и высказать, ввиду ограниченного размера статьи, лишь несколько очень кратких соображений в связи с ней). А решаться она, возможно, будет еще долго, если вообще когда-нибудь получит статус решенной.

«Остров Тамань», Боспор Синдский и город Гаргаза

Популярный еще недавно тезис о существовавшей в Античности «Таманской Полинезии» (см., например: Паромов 2006) ныне приходится подвергнуть серьезной корректировке. «Полинезия» по самому греческому термину, выбранному для обозначения этого понятия, должна являться неким архипелагом, состоящим из множества островов.

Недавно достаточно убедительно было показано, что «историко-географические представления о Таманском полуострове как архипелаге дельтовых островов палео-Кубани, широко используе-

⁶ О роли тавров в пиратской деятельности Причерноморского региона см.: Брашинский 1973.

⁷ До нас дошла «Ифигения в Тавриде» Еврипида (о ней см.: Wright 2005; Ketterer 2013). Эта драма глубочайшим образом повлияла на творения множества выдающихся деятелей европейской культуры (будь то немец И. В. Гёте или наш В. А. Серов).

мые при описании его ландшафтно-геоморфологических условий в период греческой колонизации, не получили своего подтверждения», поскольку «в историческую эпоху ни один из рукавов дельты палео-Кубани не впадал в Таманский залив» (Горлов 2007: 87). К западу от устья Кубани существовали один очень крупный остров (самый крупный в тогдашнем Понте, более того, многократно превосходивший размерами все остальные) и пара-тройка примыкавших к нему мелких (Голубицкий остров, остров Кандаур – так их ныне условно называют, опираясь на современные топонимы). Большой остров можно обозначить просто как «остров Тамань» (мы все-таки закавычиваем это выражение, дабы подчеркнуть его сугубую условность). Как он назывался в Античности, мы не знаем. Похоже, просто «островом». Точнее, «Островом» (ἡ νῆσος, с определенным артиклем)⁸.

Чем же отделялся этот остров от тогдашней линии материка? Здесь представляются имеющими значительную ценность осуществленные в последние несколько лет разработки российско-германской группы археологов, возглавляемой Д. В. Журавлевым и У. Шлотцауером⁹. Эти исследователи ответственно, с приведением большого количества аргументов заявили, что им удалось открыть «второй Боспор» – пролив, существовавший в I тыс. до н. э. восточнее Керченского и тоже входивший в число путей, по которым шла Великая греческая колонизация.

Автор этих строк после достаточно долгих колебаний и детального осмотра местности, о которой идет речь, счел возможным решительно присоединиться к предложенной коллегами точке зрения (Суриков 2013). Впрочем, хоть и решительно, но не безоговорочно. Оговорки заключаются в следующем.

Во-первых, Д. В. Журавлев и У. Шлотцауер «окрестили» обнаруженный ими ныне исчезнувший пролив «Боспором Кубанским». Нас в этом квазитопониме несколько смутило режущее глаз смешение античного элемента («Боспор») с современным, заведомо позднейшим («Кубань»). Поэтому мы предложили называть дан-

⁸ В боспорских надписях упоминается должностное лицо ὁ ἐπί τῆς νῆσου.

⁹ Из достаточно многочисленных работ, опубликованных этой группой ученых по интересующей нас проблематике, сошлемся здесь лишь на некоторые наиболее важные (Журавлев и др. 2010; Журавлев, Шлотцауер 2011; 2014; Kelterbaum *et al.* 2011; Schlotzhauer, Zhuravlev 2014).

ный водный путь «Боспором Синдским», опираясь на то обстоятельство, что он отделял «остров Тамань» именно от Синдики, а не от чего-либо иного, а также на одно упоминание «Синдской щели» у архаического поэта Гиппонакта (как бы это упоминание ни трактовать). Д. В. Журавлев и У. Шлотцауер в работе, вышедшей уже после только что упомянутой статьи автора этих строк, отметили, что знают о нашем предложении, но предпочитают, как говорится, «остаться при своем». На то их полное право – как первооткрывателей. Ведь назвал же, допустим, американский летчик-полярник Ричард Бэрд впервые обследованную им область Антарктиды «Землей Мэри Бэрд» в честь своей супруги, хотя, наверное, в мировой истории имелось немалое количество лиц, в большей степени заслуживавших увековечения на карте.

Прочитируем только аргумент Д. В. Журавлева и У. Шлотцауера: «По мнению И. Е. Сурикова, согласившегося с нашими аргументами о существовании морского пролива, стоит изменить его название на “Синдский Боспор”... Мы продолжаем оставаться сторонниками нашего названия – Боспор Кубанский, объединившего в себе античный и современный топонимы» (Журавлев, Шлотцауер 2014: 152). Этот довод: название хорошо-де тем, что оно объединяет в себе античный и современный топонимы, – представляется автору этих строк странным. Эклектика неуместна нигде и ни в чем, поскольку она ломает стиль вместо того, чтобы его выдерживать.

Во-вторых, наша точка зрения относительно времени, в которое «второй Боспор» перестал функционировать как полноценный морской путь, разнится с той, какой придерживаются Д. В. Журавлев и У. Шлотцауер. Мы считаем, что это случилось несколько раньше, чем им кажется. Но это – предмет отдельного разговора. И сии строки мы пишем отнюдь не затем, чтобы полемизировать с вышеупомянутыми учеными (напротив, в нашем лице они в целом имеют союзника, отнюдь не оппонента). Мы хотим указать на одну из тех интересных перспектив в прочтении нескольких важных для Северного Причерноморья нарративных свидетельств, которые открываются в связи с выкладками группы ГИМа – DAI¹⁰.

¹⁰ DAI (Deutsches archäologisches Institut) – известнейшее учреждение, имеющие филиалы (Abteilungen), можно сказать, по всему миру (в Афинах, Стамбуле, Каире, Пекине, Тегеране и др.).

Некоторые архаические греческие поселения в восточной части Таманского полуострова (если назвать наиболее значительные, ими будут, в частности, Голубицкая 2, Стрелка 2, Ахтанизовская 4), ныне рассматриваемые как «безымянные», производят сильное впечатление ранних полисов, основанных в колонизационный период, а затем «заглохших» ввиду прекращения использования Боспора Синдского¹¹. Эти полисы (как теперь становится ясно, основанные не где-то в глубине материка, а на тогдашнем побережье), естественно, так или иначе назывались, но мы их названий не знаем – именно потому, что в тот период, когда работали основные античные географы, они уже перестали быть полисами.

Можно ли обнаружить в источниках какие-то следы информации о наименованиях этих деградировавших впоследствии городов? Нам кажется, что к интересующему нас сюжету можно удачно «привязать» загадочный топоним, встречающийся в едва ли не самом пространным свидетельстве о ранней боспорской истории – рассказе Диодора Сицилийского о междоусобной расправе Сатира, Притана и Евмела, сыновей Перисада I¹², в последнем десятилетии IV в. до н. э.

В этом свидетельстве не раз упоминается город Гаргаза, более нигде в нарративной традиции не фигурирующий. После гибели Сатира «начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану. Последний, устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу¹³, затем быстро явился в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть... Притан, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Евмел при помощи варваров захватил Гаргазу...»¹⁴.

¹¹ Это и дальнейшее следует читать обязательно с учетом нашей предыдущей разработки (Суриков 2013). Без ее учета многое в последующем изложении останется неясным, а повторять или пересказывать выводы, сделанные в указанной статье, мы здесь, понятно, не будем.

¹² О значимости личности Перисада I для раннебоспорской истории см.: Суриков 2014, со ссылками на предшествующую литературу.

¹³ Какой именно курган скрыл тело Сатира II – отдельный и интересный вопрос. Надеемся к нему еще вернуться в будущем.

¹⁴ Диодор Сицилийский. Библиотека ХХ: 23–24. Цит. по: Латышев 1947: 265.

Из контекста абсолютно ясно, что описанные здесь события происходили на Азиатском, а не на Европейском Боспоре. Прежде всего чуть выше в рассматриваемом пассаже Диодора указано, что военные действия между Сатиром и Евмелом проходили в районе реки Фат. Совершенно не приходится сомневаться, что этот топоним связан с таким этнонимом, как «фатеи». Последний упоминается в ряде боспорских надписей (КБН 9; 972; 1015: 21, 553, 588). Фатеи с какого-то момента правления Перисада I начинают перечисляться в его титулатуре, а именно – в списке варварских племен, над которыми он являлся «царствующим» (βασιλεύων) (Завойкин 2013: 324). Стало быть, при нем этот народ и был подчинен Спартокидами.

Локализация фатеев на Азиатском Боспоре, где-то по соседству с меотами, тоже не подлежит сомнению. Стало быть, и река Фат должна была находиться там же (собственно, фатеи и Фат у Диодора стоят рядом, и поставлены они так вполне сознательно, то есть историк понимал, что название фатеев происходит от Фата¹⁵). Вероятно, под Фатом имеется в виду какой-то из многочисленных рукавов обширной дельты Кубани.

Далее, напомним, Диодором указано, что после гибели Сатира II его тело было доставлено в Гаргазу и оттуда перевезено по реке в Пантикапей (διὰ τοῦ ποταμοῦ... εἰς Παντικάπειον). Строго говоря, напрямую по реке (то есть минуя море) в крымский Пантикапей можно было что-либо доставить только из Крыма же. Но здесь об этом явно не может идти речи. Во-первых, в Восточном Крыму нет таких крупных рек, какой представлен у Диодора тот же Фат. Во-вторых, абсолютно все говорит в пользу того, что «война трех братьев» развертывалась к востоку, а не к западу от Боспора Киммерийского. В частности, ниже Диодор рассказывает, что из района Гаргазы Евмел оттеснил Притана «к перешейку близ Меотийского озера» (εἰς τὸν ἴσθμὸν τὸν πλησίον τῆς Μαιώτιδος λίμνης). Судя по артиклям, подразумевается какой-то определенный перешеек. Но перешейков в строгом смысле слова (подобных, например, Коринфскому Истму в Греции) на Боспоре (ни Азиатском, ни Европейском) не было и нет. Есть полуострова, косы...

¹⁵ А скорее всего, «фатеи» – не самоназвание, а обозначение, данное греками племени, жившему у Фата (и именно потому-то и данное).

Снова и снова убеждаемся, что Диодор весьма смутно ориентировался в топографии региона, события в котором он здесь описал. Но стоит ли удивляться этому, коль скоро сам Геродот, хоть он, в отличие от сицилийца, и бывал в Северном Причерноморье, абсолютно превратно представлял себе очертания Крыма? Поэтому понимать слова Диодора в прямом смысле не стоит. Судя по всему, дело обстояло так, что тело погибшего Сатира было по реке вывезено к морю, а потом уже морем доставлено в Пантикапей.

Топографический контекст борьбы сыновей Перисада – предмет отдельного исследования; а здесь нас интересуют единственно город Гаргаза и его возможная (в любом случае гипотетическая!) локализация. Этим вопросом, насколько нам известно, никто всерьез не занимался. Что же можно сказать в связи с ним?

а) Гаргаза – эллинский, а не варварский город. То, что он носил, судя по всему, негреческое название, никоим образом не должно нас смущать. Как известно, даже сам Пантикапей носил негреческое название. А были еще Тиритака, Корокондама... И все они являлись населенными пунктами греков, а не какого-либо иного народа. Сохранение пришедшими извне новыми обитателями значительной части субстратной топонимики – это вообще одна из наиболее общих закономерностей человеческой истории. Не знаем, стоит лишний раз напоминать, что и наша Москва – не исключение (угро-финские корни очевидны).

б) Гаргаза для времени, к которому относится свидетельство Диодора, может считаться достаточно значительным центром. И действительно, какой-нибудь мелкий поселок Спартокид Притан вряд ли избрал бы местом своего «венчания на царство»¹⁶.

в) Гаргаза, если следовать изложению Диодора, находилась на реке. Была ли это упомянутая им же ранее река Фат или же какая-то иная? Судить трудно. Более того, за точность самих топографических описаний у нашего историка, как было продемонстрировано выше, ручаться нельзя. Так что нельзя считать безоговорочно доказанным фактом расположение Гаргазы непосредственно на каком-

¹⁶ Разумеется, о таком «венчании» приходится говорить лишь *cum grano salis*. Только при сыне Евмела Спартоке III правители Боспора стали величаться официальным титулом βασιλεύς. Да и у Диодора говорится, что Притан в Гаргазе принял τὴν δυναστείαν. «Принял... царскую власть» – это некоторая вольность переводчика (В. В. Латышева). Но все-таки...

то речном побережье. Зато можно считать однозначно верным следующее.

г) Гаргаза – город на восточной, азиатской стороне Боспора Киммерийского. Это, как нам кажется, безусловно следует из предшествующего анализа.

Теперь, сопоставляя данные нарративного источника с результатами исследований на местности, проведенных группой под руководством Д. В. Журавлева и У. Шлотцауера (группой, подчеркнем, междисциплинарной: в нее входили и входят не только археологи и историки, но также специалисты в области геофизики, топографии, археоботаники, археозоологии, геоархеологии, археометрии [Schotzhauer, Zhuravlev 2014: 203–204]), нельзя не прийти к выводу, что Гаргаза должна быть отождествлена с каким-то открытым или пока не открытым (последнее менее вероятно ввиду тщательнейших археологических разведок региона) ранним античным поселением в восточной части нынешнего Таманского полуострова. Или даже еще восточнее – но не чрезмерно, то есть, во всяком случае, где-то в местностях, прилегающих к тогда еще существовавшему «второму Боспору». Но никак не к «первому» (то есть Боспору Киммерийскому), в ближайших окрестностях которого рек (или рукавов рек) нет, да и в рассматриваемую эпоху не было (см. сказанное в начале данного раздела статьи).

Что может оказаться древней Гаргазой? Вариантов немало. Во всяком случае, это заведомо не Семибратнее городище (поскольку оно было городом Лабрисом). На роль Гаргазы могут претендовать те же Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4, а также (пожалуй, даже с большей вероятностью) Стрелка 2. Во всяком случае, нам пока представляется перспективным думать именно о каком-то из трех перечисленных центров.

Должны ли именно они приниматься в расчет – вопрос, впрочем, второстепенный: главное в том, что (повторим и подчеркнем) новый взгляд на палеогеографию Азиатского Боспора волею неволей должен повлечь за собой и какое-то новое прочтение ряда важных нарративных свидетельств.

Литература

Беленький, Д. Б. 1998. Прогноз локализации гавани Нимфея на основе палеоморфологической реконструкции береговой линии. *Проблемы истории, филологии, культуры* 5: 27–37.

Брашинский, И. Б. 1973. Понтийское пиратство. *Вестник древней истории* 3: 124–133.

Винокуров, Н. И. 1999. *Виноделие античного Боспора*. М.: МГПУ.

Горлов, Ю. В. 2007. К изучению сельской округи Фанагории. *Древности Боспора* 11: 86–105.

Горский, А. С. 2013. Легенды и факты о разбавлении вина. *Новый Гермес* 6: 38–51.

Журавлев, Д. В., Шлотцауер, У.

2011. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова. *Scripta antiqua* 1: 252–293.

2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. В: Журавлев, Д. В., Шишлина, Н. И. (ред.), *Государственный исторический музей и отечественная археология: К 100-летию отдела археологических памятников* (с. 150–186). М.: ГИМ.

Журавлев, Д. В., Шлотцауер, У., Камелина, Г. А., Кельтербаум, Д. 2010. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация). *Древности Боспора* 14: 162–183.

Завойкин, А. А. 2013. *Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов*. Симферополь; Керчь: ВТС ПРИНТ.

КБН (Корпус боспорских надписей). М.; Л.: Наука, 1965.

Кошеленко, Г. А., Кругликова, И. Т., Долгоруков, В. С. (ред.) 1984. *Античные государства Северного Причерноморья*. М.: Наука.

Латышев, В. В. 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории* 4: 230–289. URL: http://apsnyteka.org/file/Latyshv_Izvestiya_drevnih_pisateley_o_Skifii_i_Kavkaze_VDI-1947.pdf.

Масленников, А. А. 1984. Харакс. В: Кошеленко, Г. А., Кругликова, И. Т., Долгоруков, В. С. (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья* (с. 56–57). М.: Наука.

Паромов, Я. М. 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н. э.). *Древности Боспора* 10: 365–388.

Сорочан, С. Б. 2005. *Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры.* Харьков: Майдан.

Суриков, И. Е.

2013. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском. *Вестник древней истории* 1: 167–176.

2014. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии). *Древности Боспора* 18: 398–416.

Чичуров, И. С. 1980. *Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий.* М.: Наука.

Щеглов, А. Н. 1976. *Полис и хора.* Симферополь: Таврия.

Brückner, H., Kelterbaum, D., Marunchak, O., Porotov, A., Vött, A. 2010. The Holocene Sea Level Story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas. *Quaternary International* 225: 160–179.

Kelterbaum, D., Brückner, H., Porotov, A., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2011. Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2. *Die Erde* 143: 235–258.

Ketterer, R. 2013. ‘Skēnē’, Altar and Image in Euripides’ ‘Iphigenia among the Taurians’. In Harrison, G. W. M., Liapis, V. (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre* (pp. 217–233). Leiden; Boston: Brill.

Koromila, M. 1991. *The Greeks in the Black Sea from the Bronze Age to the Early Twentieth Century.* Athens: Panorama.

Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2014. Greek Colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian–German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia. In Twardecki, A. (ed.), *Tyritake: Antique Site at Cimmerian Bosphorus* (pp. 203–219). Warsaw: The National Museum.

Wright, M. 2005. *Euripides’ Escape-Tragedies: A Study of Helen, Andromeda and Iphigenia among the Taurians.* Oxford: Oxford University Press.